рам, а сестре — княжне Марии, — *З. Г.*) 1030 крестьянских дворов в Нижегородском и Брянском уездах в вечное владение».[22]

Таким образом, указ был подписан в декабре 1730 года. Неужели Кантемиру потребовалось шесть месяцев для того, чтобы откликнуться на это событие и создать в знак благодарности похвальную «Речь» императрице? Едва ли он мог рассчитывать на то, что столь запоздалая реакция достигнет цели. Кроме того — и это является самым важным — в тексте «Речи» нет ни одного намека на выражение личной благодарности Анне Иоанновне за якобы оказанные ею «милости».

Нам могут возразить, основываясь на опыте других поэтов XVIII века, что создание панегирического произведения может быть и не связано с каким-либо определенным обстоятельством в жизни поэта, которое побудило бы его на подобный творческий акт.

Это возражение было бы справедливым, если бы в самом тексте «Речи» не имелись конкретные указания на реальные обстоятельства творческой деятельности Кантемира, свидетельствующие о более сложном замысле произведения, нежели простое стремление создать панегирик императрице.

В «Речи» при непредубежденном взгляде можно обнаружить, кроме панегирического, еще и другой тематический аспект, тесным образом связанный с первым, но существенно от него отличающийся. Мы имеем в виду изложение автором причин, по которым он не решается писать похвальных стихов Анне Иоанновне.

Правда, мотивировка автора искусно обрамлена восхвалением императрицы; самое объяснение построено так, что превращается в похвалу; авторское самоуничижение оборачивается в конечном итоге косвенным комплиментом Анне Иоанновне; решение автора лучше молчать, чем писать грубую лесть, рождает заключительное заверение его в глубоком почтении к императрице. Было бы безусловной ошибкой закрывать глаза на эти факты. Однако сюжет «Речи», все развитие ее темы в сущности сводится к тому, чтобы мотивировать занятую автором творческую позицию и защитить его от каких-либо предосудительных выводов на этот счет.

В отличие от панегирических элементов, носящих традиционный характер, именно эта «защитная» установка, определяющая своеобразие замысла произведения, имеет бесспорно реальную, конкретно-биографическую подоплеку.

В частности, утверждение автора о том, что его лира «не бренчит хвалу» императрице, вовсе не является традиционной панегирической формулой, а отражает достоверный факт его литературной деятельности. Если не считать «Оды на день рождения

[22] П. И. Баранов. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век, т. II. СПб., 1875, стр. 237.